

ГЕРОЙ МИУСА ЖДЕТ... НАПИШИТЕ ЕМУ ПИСЬМО

36599 6.9.79

Над Примиусем дважды прокатывался огневой вал минувшей войны. Матвеев Курган. Ряженое. Рысное дважды оказывались на линии фронта, причем не на день или неделю, а на месяцы. С лихвой хлебнуло лиха переднего, края старшее поколение этих сел. Оттого так радостно и торжественно отмечают в них праздники — годовщины освобождения от немецко-фашистских оккупантов, так радушно встречают ветеранов боев на Миусе, тех, кто принес им свободу, счастье, мирное небо. Все в этот день дорогим гостям: улыбки, цветы, сердца. О тепле этих встреч, радушии хозяев я знаю не понаслышке: сам неоднократно приглашался на праздники в Матвеев Курган, сам участвовал в торжествах.

Приезжал я на праздники не один. Вместе со мной являлись в Матвеев Курган мои фронтовые друзья москвич Нил Александрович Зайцев и житель Черкесии Хамзет Капов. Все мы — трое — из одного батальона 1137-го стрелкового полка 339-й дивизии, участвовавшего в первом освобождении Матвеева Кургана.

Хамзет Капов был автоматчиком, я — его ротным, а Нил Зайцев — в ту пору молодой лейтенант, командовал нашим батальоном. Высокой лекарьской ночью сорок первого батальон Зайцева первым ворвался в горевший Матвеев Курган. Человек завидной храбрости, Зайцев не раз водил потом роты в атаки на укрепления немцев на Волковой горе.

Летом сорок второго овощной доблести Зайцева узнал весь Южный фронт. В ту пору гитлеровцы готовились к наступлению. Чтобы разгадать их планы, нашему командование требовалось «язык». Попытки армейских разведчиков взять пленного немца кончались неудачами. Тогда за дело взялся папи комбат. Он лично возглавил группу разведчиков, в которую вошли лучшие бойцы батальона: в том числе Хамзет Капов. Вечером в районе Кирсановки (территория нынешнего совхоза «Сад-база») переправился с храбрецами

через Миус, а утром на командном пункте полка был уже мокрый, дрожащий от страха немецкий ефрейтор. Орден Красного Знамени — высокая награда за этот поиск — украсил тогда грудь Зайцева. Примерно неделей позже он повторил разведку в селе Ряженое. «Язык» и па этот раз был взят, но Зайцева тяжело ранило пулей в грудь, павылет, осколком гранаты задело голову. Хамзет Капов вынес его из-под огня. Ряженская женщина Феодосия Семеновна Горбатенко перевязала полтенцем раны, отправила в медсанбат. После госпиталя Зайцев долго воевал, был награжден еще тремя боевыми орденами, в том числе орденом Александра Невского. Но на бодышом фронтовом пути самым трудным и памятным был Миус. Оттого так тянуло его после войны взглянуть на долину, пройтись местами боевого крещения.

Когда мы съезжались на праздники в Матвеев Курган, он был заводилой нашей «тройки». Первым делом тянул к Кирсановке, к заплывшей кринице у Миуса, возле которой взял своего первого «языка». Потом мы всходили на дикие, пропахшие полынью склоны Волковой горы, которую батальон штурмовал 8-го марта сорок второго. Оттуда Нил шел в Ряженое, обязательно навещал свою спасительницу Феодосию Семеновну Горбатенко. И всюду его, героя, встречали цветами, улыбками.

У него было много юных друзей в школах, он переписывался с красными следопытами, выступал с воспоминаниями в газете «Звезда».

Но вот уже четвертый год в Матвеевом Кургане среди гостей Нила Зайцева не видят. Не получают от него писем, телеграмм. Нил Александрович болен. Старые раны, полученные во время разведок на Миусе, будто бомбы замедленного действия, дали о себе знать спустя десятилетия. И вот многие месяцы больница, уколы, вливания...

Трудно, ох, как трудно моему фронтовому другу, привыкшему к простору, совсем иному образу жизни. Навещая его, вижу, с какой

тоской он задерживается взглядом на висящей в квартире карте, на той ее нижней части, где синеет змея Миуса и стоит кружок «Матвеев Курган». Замечаю еще, как прислушивается к шагам почтальона, потом, преодолевая недуг, подходит к почтовому ящику: пять ли писем оттуда, где в юные годы бесстрашно шел вавстречу пулям, снарядам, минам, где прошла свою кровь? Пишут близкие, фронтовые друзья, а вот из Матвеева Кургана. Ряженого, Рысного, совхоза «Сад-база» — ни строчки.

Я далек от мысли, что Зайцева там забыли. Знаю, из школ, хозяйств Зайцеву раньше часто писали. Но потом ответы получать перестали. Все из-за той же болезни: Зайцев не может писать, сменился его московский адрес. Переписка стала односторонней и вот заглохла. А Нил Александрович ждет.

Нил Александрович Зайцев, как, впрочем, и бывший автоматчик, разведчик Хамзет Капов, немало потрудился в мирное время. Но главное дело своей жизни он свершил в суровые годы войны, на полях сражений. Там осталось его солдатский пот и кровь, там осталось самое дорогое — юность. И что же теперь в этих святых для солдатского сердца местах? Ему хочется знать о том, слышать, читать. Ему дорого слово благодарности нынешнего поколения Примиуса за ратный подвиг. Оно лучше всяких лекарств действует на его незаживающие раны.

Вот нынешний адрес Нила Александровича Зайцева: 129327, г. Москва, Н-327, ул. Енисейская, 17, корп. 2, кв. 294. Адрес Хамзета Капова: Карабаево-Черкесская обл., аул Старо-Кувинский.

Напишите же пм. друзья! Напишите то, что лежит на сердце. Пощлите открытку, телеграмму, короткое письмо. Если не получите ответа — не обижайтесь. Вы знаете, почему они молчат. В школах Примиуса праздники освобождения совпадают с началом учебного года. Хорошо бы провести уроки памяти к ветеранам великой войны, тем, кому молодое поколение обязано своим счастьем.

Напишите ветеранам боев на Миусе. Ветераны ждут!

А. ГОЛУЗОВ,
капитан в отставке, бывший
командир роты автоматчиков 1137-го стрелкового полка 339-й дивизии, участник боев на Миусе, член Союза журналистов СССР.